

ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГА ДЕТСКОГО ДОМА

Галина Николаевна Туманова, психолог Некрасовского детского дома для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Тверская область

«Дюймовочка»

Трёхлетние дети обычно очень милы, но эта была особенно миленькой, женственной и хрупкой. Белокурая, голубоглазая, с прозрачной матовой кожей — девочка от тринадцатой беременности.

Девочка передвигалась исключительно на цыпочках, как балерина, а движения были, как у куклы — марионетки, казалось, что внутри каркас из натянутых проволочек. Слегка судорожная, но очаровательная «Дюймовочка». Её невозможно было обидеть. Она со всеми ладила, старалась помогать и очень любила своего шестилетнего старшего братика. Братик каждую свободную минутку бежал к сестрёнке и опекал её как мог: помогал одеваться, завязывал шнурки, застёгивал пуговицы, отдавал свои апельсины и яблоки, делился конфетами.

Её любили дети, воспитатели, кошки, собаки, но больше всего комары. С ней невозможно было выйти на улицу, её заедали так, что не оставалось живого места. «Сладкая девочка» была вечно раскрашена зелёнкой, но даже зелёнка придавала ей особый шарм. Всё дошкольное детство ушло на укрепление здоровья «Дюймовочки».

С ней работали специалисты, она постоянно лечилась и ездила в санатории. Прогресс стал очевиден, когда после очередного санатория у неё восстановилась эмаль зубов.

Вместо полного рта «гнилушек», с которыми мы не знали, что и делать, совершенно белые новые зубки. По-видимому, обмен кальция в организме нормализовался. Вскоре и ходить она стала нормально.

Она оказалась очень талантливой художницей. Это выяснилось на развивающих занятиях. Рисовала сразу, одной линией, не отрывая карандаша от бумаги в течение 1–2 минут. Картинки получались очень выразительные. Для неё «рисовать» было также естественно, как «дышать». Я до сих пор храню её рисунки, особенно мне нравится «умная кошка», сидящая на ветке дерева в очках, с раскрытой книгой, и нога у неё закинута на ногу.

Наша «Дюймовочка» пошла в первый класс и старалась учиться очень хорошо. Летом их с братиком забрали домой нас всем старшие родственники.

Но радость за «Дюймовочку» была недолгой. В ноябре пришёл запрос из дальнего интерната на её документы. Девочка находилась там. Больше мы не встретились.

«Инвалид»

Он был похож на диковинную птицу с перебитым крылом: худенький, с мелкими чертами лица, острым носиком и торчащими на голове перьями. Мать отдала его в Дом ребёнка на один год и больше не появлялась. Сухорукость правой руки прогрессировала, операции не помогали. Мальчик рос, а его ручка усыхала и почти не работала. Его жалели, а он этого

не выносил — он не хотел быть инвалидом. Одной левой он умел делать всё. И постоять за себя мог одной левой. Он пошёл в школу, стал заниматься спортом и стал писать письма маме, но мама ни разу не ответила.

Однажды в детский дом приехала тётя Клава. У неё погиб сын. Она показывала фотографии красивого, спортивного, крепкого мальчика и рассказывала о пустоте наступившей в их доме и их сердцах. Мы понимали, что она хочет взять мальчика не просто в гости, а ищет возможность вернуть себе сына, поэтому сразу договорились, что это будет совсем другая история, совсем другой мальчик, с которым не надо играть в дочки-матери. Остановились на варианте «тётя — племянник», и наш инвалид поехал в гости. А потом ещё раз. Тётя Клава не могла нарадоваться на «племянника»: огород копает, дрова колет, по дому помогает, никакой работы не боится!

Он закончил школу, потом техникум и продолжал иногда ездить к тёте Клаве. Новая рука у него не выросла. Но он по-прежнему управляется одной левой и не считает себя инвалидом. Сейчас у него свой бизнес, две торговых точки. Он купил квартиру, сделал ремонт и нашёл свою маму, которая не захотела с ним разговаривать. Сейчас у него есть сестра и брат, они в отличие от мамы поддерживают отношения.

Он часто помогает нашим детдомовским подработать, даёт деньги в долг, пускает пожить. Приезжает к нам, покупает подарки для мальчишек. Рассказывает о том, как непросто устроить жизнь в этом мире.

Мы часто видим его. Недавно он получил диплом о высшем экономическом образовании.

А я, встречая его время от времени, думаю, кто из нас инвалид?

«Мадам Брошкина»

Четвёртый год бушуют пожары в Калифорнии. Четвёртый год там живёт «Мадам Брошкина»...

Она появилась в дошкольной группе, как «звезда» и сразу стала претендовать на лидерство. Искренне не понимающая границы между деть-

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

ми и взрослыми, девица со всеми была на равных. Лучше всего ей удавались матерные частушки. И чем больше охали и ахали окружающие, тем больше она старалась. По любому поводу у неё было своё мнение, обязательно высказываемое вслух.

— Ты что нам тут командуешь? У нас свои воспитатели есть, — заявила она с порога молоденькому педагогу, впервые пришедшему работать в группу.

В ней сочеталось несочетаемое: симпатичная, умная, вульгарная, артистичная, бесцеремонная, добрая, благодарная, мстительная... Словом, «Мадам Брошкина». Брошенное кем-то в сердцах прозвище приклеилось. Её не любили ни дети, ни взрослые. Она не оставалась в долгу. Умела отомстить так, что мало не казалось.

К своим пяти годам «Мадам Брошкина» перенесла аллергический дерматит, гепатит «А», тубинфекцию. Жизнь постоянно испытывала её на прочность, но внутри была огромная жизненная энергия, которая помогала ей противостоять превратностям судьбы. Эта энергия пробивалась сквозь пытливые, с чёртиками глаза, искренний заливистый смех, очаровательную улыбку. Только у неё одной хватало сил отказать от самого вкусного потому, что у неё диета. Только «Мадам Брошкина» могла, обидевшись, не разговаривать неделю и выдерживать характер. Только она могла зайти в кабинет к директору и поблагодарить его за красивый портфель или новогодний подарок. Она всегда хотела делиться своим счастьем со всеми.

Прямо из санатория её отправили на летний отдых в американскую семью. В первый же день их повели в бассейн (а она боялась воды). Весь свой матерный запас она выдала разом. Нашлись «добрые» люди, перевели дословно русскую нецензурную лексику. Она получила прозвище «Маленький Монстр».

Чем больше её воспитывали, тем больше она сопротивлялась. Семья была в ужасе. Дошло до того, что она стала их бить и щипать до синяков и полностью вышла из-под контроля. Но тем не менее она им нравилась.

Когда «монстрик» приехал, у нас с ней состоялся разговор:

- Где ты отдыхала летом, детка?
- В санатории каком-то.
- Но ведь ты слышала, что все вокруг говорят не так, как мы?
- Слышала, они все дурачились. Я тоже дурачилась.
- А разве ты не знаешь, что была в Америке?
- Врёшь ты всё! Это санатория такая.
- Но ведь ты жила в чужом доме. О тебе заботились. Тебе делали хорошо. Они разве тебе не понравились?
- Они хорошие. Я их люблю. Только они всё время кривлялись и я тоже.

Тогда я осознала, что детей нужно готовить и объяснять им, куда и зачем они едут. Так мы начали работать с «Мадам Брошкиной». Я брала её домой, когда у меня хватало времени и сил. Мы начали учить английский язык. Сначала у меня хватало терпения на 2–3 часа, потом уже на день. К новому году я взяла её на три дня (благо муж работал, а дети уехали к друзьям).

- А где праздник? — спросила она с порога.
- Сейчас будем делать праздник сами, мы же работали.
- А как делают праздник?

И мы стали наряжать ёлку, включили музыку, зажгли огоньчики, начали готовить салат и пироги.

- Это пироги? — спросила она, указывая на тесто. — Нет, ты врешь, это не пироги!

Она слепила три страшеньких пирожка, и взялась помогать с салатом.

— И ты мне ножик дашь? — спрашивает ехидненько.

— Дам. Режь колбаску полосочками, а потом кубиками.

— А я всю колбасу съем!

— А тогда салата не будет.

— А я хочу салат с колбасой. Пусть будет, я тогда ещё огурчик и картошку порежу, мне понравилось резать. А спички ты мне тоже дашь?

— Дам. Только зажигать будем вместе и над раковиной.

Сожгли целый коробок. Договорились, что зажигать можно, но только вместе со взрослыми. Пирожки ела только мои, а своими пошла угощать Бобика.

— Мне Бобик спасибо сказал, ему мои пирожки очень понравились. Оставь, потом ребята в группе угостим. У них же такого праздника не бывает.

А потом она мылась в ванной, сама. Вывалила в неё все пузырьки, какие попались ей по руку. Когда пена дошла до потолка, испугалась и завизжала. До Нового года едва успели отмыться.

Пили компот и чокались с президентом в телевизоре. Я разрешила влезть в мою косметику (остались от косметики одни воспоминания). Разрешила не спать, пока она сама не свалилась. Это было новогоднее счастье.

Мой муж сначала был от неё в шоке и не знал, как реагировать. Когда он приехал с работы, она его встретила на пороге и, подбоченясь, спросила: «Ну, ты, козёл, где ты шляешься? У нас тут праздник, а тебя дома нет». Он молча протянул её коробку «Рафаэлло».

«Ну уж ладно, заходи. Накормлю тебя салатом. Ешь, я сама делала».

Пришла весна. 8 марта мы поехали в город, посидели в кафе, погуляли и купили маленькие подарки для воспитателей и детей из группы. «Пусть у всех будет

праздник, надо же всем хоть маленький подарочек купить для настроения», — сказала она. Ей нравилось ездить со мной по делам. «Я прям, как домашняя. Все думают, что я твоя». Да, она перестала быть ничьей. Она стала моей девочкой. Когда приходило время возвращаться, она стискивала зубы и изо всех сил старалась не плакать. Но едва мы поднимались на крыльцо детского дома, моя девочка снова превращалась в «Мадам Брошкину».

Американская семья целый год присылала ей подарки и звонила по телефону. Они не могли её забыть, но в конце концов отказались от удочерения. Две недели я думала, как ей об этом сказать. Она часто говорила об Америке, об американских маме и папе. Наконец в разговоре при случае я сказала:

- Ты больше не поедешь в Америку.
- Почему?
- Потому что мама и папа решили взять себе другую девочку. Теперь у них уже есть дочка.
- Почему?
- Потому что они так захотели.
- Эх, мама-папа, папа-мама... Ну, значит, судьба моя такая. Ты не расстраивайся. Я всё равно когда-то в Америку поеду. Только говорить научусь. Тогда у меня другие мама-папа будут.

За год она научилась говорить по-английски. Пошла в школу, уже умея читать и писать, часто писала мне письма печатными буквами и подкладывала их под дверь. В этих письмах чаще всего было «я тебя люблю», «хотю тебя видеть», «хотю быть хорошей», «не знаю как быть хорошей», «я ни виновата»...

Она часто срывала мне занятия, устраивая истерики и скандалы. Я выставляла её в соседнюю комнату и закрывала дверь, а она выла и рыдала дурным голосом. Наконец, оставшись с ней наедине, я сказала: «Я думала, что ты мне поможешь, мы вместе будем работать, а ты, оказывается, только капризничать умеешь».

— А мы что, работаем?

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

На следующем занятии она сама построила и рассадила детей, стала моей активной помощницей. «Что вы, как дураки, балуетесь, ничего же интересного не получится», — говорила она детям. «Давай им по конфетке купим, они сегодня старались».

Совести у неё не было, пока не появлялась я. Она твёрдо усвоила, что она «моя», что я за неё отвечаю.

Стоит в углу. Веселится. Увидев меня, начинает реветь.

- За что наказана?
- Я Олю побила.
- Ты же девочка. Разве можно руки распускать?
- А я её за дело побила. Она мою песню украла. Я песню пою хорошую для концерта. А она сказала, что песню мою заберёт и сама петь будет.
- А ревёшь чего?
- Я тебя опять опозорила.

В школе учительнице сказала: «Всё на стульчики и на стульчики. И вставать нельзя. Вот бы мы умерли на этих стульчиках, вам бы так хорошо работать было». И мне: «Ты сегодня в школу лучше не ходи, Ты завтра лучше сходи».

Зимой приехала семья из Калифорнии. На улице — 20°С. А они с голыми ногами, без шапок, в лёгких ветровках и тапочках. Их дети лазали по сугробам, посиневшие, но счастливые. Она их поразила, особенно детей. «Принцесса, принцесса», — шептались калифорнийцы.

Моя девочка поила их чаем, угощала пряниками, показывала русские мультики, пыталась общаться по-английски. Ей нравилось, что произвела впечатление.

Сбылась её мечта — она уехала в Америку, в Калифорнию. Учится хорошо, только иногда срывает уроки. Любит

Г.Н. Туманова **Записки психолога детского дома**

свою семью и старается быть хорошей. Её водят к русскому психологу, лечат. Она уже почти не говорит по-русски. В последний раз с трудом вспомнила, кто я такая. Это уже не «моя» девочка. Только почему-то щемит сердце, когда я вижу на последних фотографиях её грустные-грустные глаза при жизнерадостной улыбке.

Снова в новостях показывают пожары в Калифорнии. Мой муж говорит: «Наверное, «наша» спичками баловалась. Как она там?» **В.Ш**

Реклама

Журнал для педагогов учреждений дополнительного образования. Цель издания – с помощью поддержки и распространения творческих практик способствовать развитию способностей воспитанников, формированию у них нравственных, эстетических понятий, воспитанию все-сторонне развитой личности.

Одна из самых сложных проблем – работа с одарёнными детьми. Как выявить одарённость? Как создать условия для её развития? Мы будем вместе с вами искать ответы на эти вопросы. В журнале публикуются творческие работы детей (литературное, техническое, прикладное и другое творчество). Педагоги делятся своим опытом в «Мастер-классе», что обогащает копилку знаний и умений наших читателей. Мы надеемся, что журнал станет другом и советчиком и для педагогов, и для воспитанников.

Главный редактор Ерегина Т.Н.

**Подписка на журнал «Детское творчество» в каталоге «Роспечать».
Подписные индексы: 71980 для индивидуальных подписчиков
71981 для организаций**

